

Идеи и жизнь

НОВАЯ ПАРТИЯ ИЛИ НОВАЯ ФРАНЦИЯ?

Нѣсколько лѣтъ тому назад мнѣ довелось бесѣдовать с представителем «большинства» французской социалистической партіи. «Каковы новыя идеи», спросил я, «во французском социализмѣ со времени войны?». Мой собесѣдник был явно шокирован. «Новыя идеи?», переспросил он с негодующим изумленіем. «Никаких новых идей у нас нѣтъ. Подумать только, новыя идеи!». Так отвѣтил мнѣ Гранвалле, член С. А. Р.,¹⁾ а в будущем — автор обвинительнаго акта прстив исключеннаго «меньшижства»

«Простите меня... за то, что я подумал, что у вас в головѣ есть идеи»...

Но Гранвалле вряд ли читал Чехова.

Когда, два года тому назад, я писал в № 1 «Новаго Града» о французском социализмѣ, о расколѣ не думал никто. Рѣзко сталкивались два теченія, но борьба не была еще ожесточенно-безысходной, «меньшижство» еще не было охвачено той великой тревогой, которая позднѣе создала в нем повышенное чувство отвѣтственности за судьбу Франціи — и не ее одной.

Правда, и тогда вожди его указывали, что мір вступил из эпохи органической в эру революціонную, что нужны новыя организующія идеи и смѣлыя преобразованія, что безразсудно оставаться на высотах окаменѣлой ортодоксіи...

Все это так, но отсутствовало ощущение непосредственной опасности, «времен и сроков». Франція еще не стала «последней траншей свободы», и гибель не грозила, казалось, основным цѣнностям европейской культуры.

Если прежде «меньшижство» стремилось к государственному и социальному творчеству большого размаха, для осуществленія своих идеалов, то теперь на очереди драматическое «соствязаніе на скорость»: если не совершить нужных преобразованій, не утолить новых потребностей, это будет сдѣлано вражескими руками.

¹⁾ Commission Administrative Permanente. Соответствует, во французской социалистической партіи, Центральному Комитету.

Поднять массовое народное движение, объединяющее рабочих, крестьян и средние классы; преобразовать устаревший аппарат власти и всю государственную машину; удовлетворить повсеместную потребность в управляемом хозяйстве; открыть перед молодежью широкие пути борьбы и творчества; устранить таким образом опасность фашизма, спасти свободу и демократию под знаком порядка и авторитета, в рамках нации — ибо иного пути не дано — вот, по мнению бывшего «меньшинства», историческая задача французского социализма.

Напомним историю происшедшего раскола.

Выборы 1932 года дали победу радикалам и социалистам, дружно поддержавшим друг друга на перебаллотировках и совместно объявившимся перед избирателями. Страна ожидала сотрудничества левых партий для проведения мероприятий, обещанных на выборах. Но для «большинства» французской социалистической партии то, что делается и говорится на выборах, совсем не похоже на то, что пишется и возглашается в партийной печати, на партийных съездах. На выборах, как и в муниципальной работе и, по большей части, в парламентской, приходится снисходить к требованиям жизни. За то в партийных инстанциях берет реванш застывшая догма. Это и естественно, если, по выражению Де Мана «теория претерпевает практику вместо того, чтобы животворить ее».

Парламентская тактика партии, выражавшаяся в поддержке левых, радикальных министерств, представляла собой, в сущности, неустойчивый компромисс: по мнению «большинства», партия ангажировала себя чрезмерно; по мнению «меньшинства» — недостаточно. Само «большинство» было неоднородно: часть его мечтала о положении безответственной «классовой» оппозиции, в соответствии с марксистской ортодоксией; левое же крыло помышляло о революции, которую учинит объединившийся рабочий класс, когда Москва «образумится» и «поймет». Можно было бы насчитать немало отщепенцев, от почти реформиста Венсен-Ориоля до почти коммуниста Ж. Пивера; через развѣденнаго анализом бездѣйственнаго схоластика Леона Блюма; через Поля Фора, с потрясающей активностью отклоняющаго партию от активности дѣйствительной; через неукротимаго Жиромскаго, столь «громоглаголющаго» против «меньшинства», что остатков ярости хватает развѣ только на радикалов.

Имѣлось ли в виду приводить в исполненіе старыя марксистскія формулы или нѣтъ, но вся чисто партійная жизнь и работа проходили под знаком их.

И для борьбы с коммунистами, и для соглашения с ними требовалось показать свою не меньшую «левизну». Партия росла в численности, но односторонне: левое крыло все увеличивалось. Дух злобнаго сектанства все болѣе овладевал ею. Прежняя парламентская так-

тика казалась все меньше допустимой. Все меньше удовлетворяла она и «меньшинство», по причинам противоположным.

По мере развития европейских событий и обострения бюджетного кризиса, жоресисты все острее сознавали недостаточность условной поддержки министерств, неотложность образования, совместно с радикалами, сильного правительства для проведения широкой, смелой программы. «Большинство» же (бывшее в меньшинстве в парламентской группе), несколько не чувствовало грозности положения и стремилось вернуться к довоенной тактике.

В 1924 году, при министерстве Эррио, парламентская группа голосовала за бюджет при одобрении почти всей партии. Когда же, в январь с. г., группа голосовала за 12-ю бюджетную долю, был созван партийный съезд в Авиньон, в апрель месяце, для осуждения группы: при буржуазном строе социалисты обязаны всегда, из принципа, голосовать против «классового» бюджета. Так было постановлено, за 25 лет до войны, при основании 2-го Интернационала, и помнят об этом во всем мире одни лишь французские гедисты.

В Авиньон впервые некоторые вожди большинства заговорили о необходимости раскола — к искреннему негодованию меньшинства и особенно вождя его, Реноделя. Компромиссная резолюция (типа т. н. «пегре-бланс») разрешила голосовать за бюджет лишь в случае, если правые, с целью свалить левое министерство, голосуют против. Запрещены были и систематическая поддержка министерств и систематическая оппозиция. Запрещена была постоянная связь с другими фракциями путем «делегаций левых».

В мае месяце рассматривался бюджет. Многие пожелания группы были включены в него. Правые собирались голосовать против. Недопустимо было свергать третье министерство в течение года. Парламентская группа решила голосовать за бюджет. С. А. Р. немедленно поставила группу на вид, что та нарушает Авиньонскую резолюцию. Группа тем не менее за бюджет голосовала. (Исключая 29 левых). С. А. Р., усматривая тяжкое нарушение партийной дисциплины, передала дело на рассмотрение съезда, который должен был собраться в Париже, в июле. В партийных организациях парламентская группа и все «меньшинство» нещадно травились, смешивались с грязью. «Попюляр» окончательно стал органом господствующей фракции. У Реноделя отнято было право помешать в нем по временам свои передовицы.

Участники съезда, по установившемуся дурному обычаю, приехали с обязательными наказами. Не могли изменить решения съезда ни декларация большинства парламентской группы, ни речи представителей ее (особенно докладчика группы, М. Деа), доказывавших, что нет иного пути, когда надо спасать и финансы страны, и демократи-

ческой строй ее. Однако, лишь пятая часть съезда поддержала группу. Четверть высказалась за «сожалѣніе» (Венсен-Ориоль); большинство — за «порицаніе» (коалиція «лѣваго центра» — Л. Блюм, Поль Фор; с «лѣвой» — Жиромскій, Пивер).

Но значеніе съезда вышло далеко за предѣлы тактических и дисциплинарныхъ споровъ. В самый разгар его, нѣсколько неожиданно, оформился идеологически и программно т. н. «нео-соціализм». Монтаньон, Марке и Деа в своихъ трехъ импровизаціяхъ раздвинули рамки преній, давъ драматическую очную ставку молодой дѣйственности со старческимъ доктринерствомъ.

До чего характерны слова Блюма: «Мнѣ кажется, что мы вступаемъ какъ бы в новыя планетныя системы, среди которыхъ мы не имѣемъ иного компаса кромѣ марксистской доктрины... Не намъ брать на себя руководство движеніями, переходными между капитализмомъ и соціализмомъ, хотя бы намъ из-за этого суждено было страдать долгіе годы. Мы должны остаться вѣрны своимъ постояннымъ взглядамъ». Негодующая реплика Деа: «Думаете ли вы, что эта діалектика исторіи утѣшитъ соціалистовъ, которыхъ мучатъ гитлеровцы?». И отвѣтъ Блюма: «Я надѣюсь логически на осуществленіе соціализма». — «Логическая надежда» — путемъ замыканія исторіи в единую обветшавшую формулу.

Во время рѣчи Марке Л. Блюмъ произнесъ свою пресловутую фразу: «Я в ужасѣ», а затѣмъ, в десяткахъ статей «Попюлера» обвинялъ трехъ ораторовъ в фашизмѣ. Но когда «фашист» Деа окончилъ свою рѣчь, четыре пятыхъ потрясеннаго съезда, вскочивъ с мѣст, устроили ему нескончаемую овацію, а итальянскіе соціалисты-эмигранты Модильяни и Неяни, знающіе толкъ в фашизмѣ, кинулись обнимать Деа, со слезами на глазахъ.

Передъ закрытіемъ съезда Ренодель огласилъ декларацию, переноса разногласія на судъ общественнаго мнѣнія. «В кризисѣ капитализма и соціализма мы представляемъ дѣйственную волю для спасенія демократіи отъ беспорядка, народовъ отъ хаоса и человѣчества отъ войны, и мы увѣрены, что республиканское и соціалистическое мнѣніе страны — с нами».

Первое обращеніе къ «мнѣнію страны» состоялось в Ангулемѣ, по приглашенію соціалистической федераціи департамента Шаранты. Взгляды, изложенные на Парижскомъ съѣздѣ, были повторены и развиты. Самый успѣхъ собранія побудилъ С. А. Р. к крайнимъ мѣрамъ — ораторы были преданы суду Национальнаго Совѣта Партіи, назначеннаго на ноябрь мѣсяцъ, в Парижѣ. У «меньшинства» отнималась свобода не только дѣйствій, но и высказываній.

Какъ нарочно, лишь за нѣсколько дней до Ангулема на Парижской Конференціи 2-го Интернаціонала выяснилось, что по всѣмъ обсуждавшимся вопросамъ французскіе делегаты, принадлежавшіе к

«меньшинству», были в полном согласии с пленумом, а сторонники «большинства» либо голосовали против, либо воздерживались. Марке, выяснявший в своей рѣчи свою позицию во французской партіи, удостоился оваций конференціи и поздравлений председателя — Вандервельде.

Ноябрьскому совѣту партіи пришлось судить не только амюлемских ораторов, но и 28 депутатов, голосовавших 23 октября за министерство Даладь в момент его паденья.

В проект бюджетнаго равновѣсія, на котором пало министерство, включены были: контроль над производством оружія, обѣщаніе нефтяной монополіи, національное оборудованіе с 40-часовой рабочей недѣлей, гарантія пртив пониженія заработной платы. Всѣ эти мѣры похоронены были паденіем кабинета. Ясно было, что от послѣдующих кабинетов можно ожидать гораздо меньшаго, что правительственные кризисы могут привести к гораздо болѣе правому министерству, если не к краху режима. Но все это перевесил налог в 120 фр. с государственных служащих.

Под давленіем чиновничьих синдикатов и партійных верхов парламентская группа рѣшила, незначительным большинством, голосовать против правительства. Создалось своеобразное положеніе. С. G. T.,¹⁾ формально нейтральная, давно уже не скрывала своих симпатій к «меньшинству», вслѣдствіе конструктивной, положительной тактики послѣдняго. Но на этот раз по частному вопросу «меньшинство» рѣзко разошлось с синдикатами, найдя в себѣ мужество поставить выше — интересы страны, да и длительные интересы тѣх же государственных служащих.

Партійное же большинство, соединяющее революціонныя фразы с дѣловым оппортунизмом, пошло по линіи наименьшаго сопротивленія. Надо добавить, что среди вождей его имѣется тайное, стыдливое тяготѣніе к инфляціи. Этим объясняется многое в их поведеніи.

Почти всѣ члены группы подчинились фракціонной дисциплинѣ. Лишь 28 депутатов, во главѣ с Реноделем, голосовали за правительство и 9 воздержались. По мѣрѣ приближенія дня «суда» депутаты — сторонники «меньшинства» все болѣе призадумывались. Привязанность к партіи, непониманіе трагизма положенія страны, личные интересы — все это уменьшало число готовых итти до конца. Если под декларацией, опубликованной перед Парижским съѣздом, стояло 79 подписей, то декларацию-протест на рѣшеніе съѣзда подписали только 55, а ноябрьскому совѣту партіи предстояло судить только 37 (28 плюс 9).

Посредничество Вандервельде и Адлера, председателя и секре-

1) Confédération Générale du Travail.

твоя Интернационала, принятое Реноделем, отвергнуто было С.А.Р. Обязательные мандаты предвѣшали исход дѣла. «Подсудимые» не явились на засѣданіе.

Съѣзд отверг предложеніе Грумбаха об обращеніи к Интернационалу.

Смеро Авиньонских ораторов были исключены («поставили себя внѣ партіи») громадным большинством. Депутатам, погрѣшившим против дисциплины, «объявлено послѣднее предупрежденіе». От всѣх депутатов и сенаторов — членов партіи, потребовано письменное возобновленіе обязательства подчиняться ея рѣшеніям. Грядущіе пути партіи указаны Полем Фором и Жиромским: «революціонное дѣйствіе» и «автономная классовая политика в парламентѣ». И если одновременно исключена из партіи кучка большевизанов (не за стремленіе к союзу с коммунистами, а за преждевременное, своевольное соединеніе с ними), то не слѣдует обольщаться. По словам П. Фора, «когда завтра мы будем искать новых форм единства с коммунистами, если Москва этого захочет, все должно быть сдѣлано на исключительно революціонной почвѣ».

В скромном залѣ на другом концѣ Парижа, «подсудимые» ждали, с нѣсколькими сотнями своих сторонников, предвѣшеннаго приговора. Многие и многіе единомышленники не отдѣлили своей судьбы от судьбы исключаемых. Отпаденія от старой партіи множились во всей странѣ. 32 депутата (из 130) и 7 сенаторов (из 16) немедленно примкнули к новой партіи, основанной в ночь на 6-ое ноября. Свыше 30 депутатов, во главѣ с Фроссаром, послали С.А.Р. своего рода ультиматум, подчеркивая свою вѣрность идеям «меньшинства» (единеніе лѣвых партій, участіе в правительствѣ), требуя созыва партійнаго съѣзда до новаго года, для опредѣленія тактики партіи, угрожая, в случаѣ согласія съѣзда с П. Фором и Жиромским, уходом из партіи, но соглашаясь временно соблюдать партійную дисциплину. Отсюда названіе «ожидальщики» (les attendistes), полученное этой группой, затѣявшей двойную игру и нарушившей моральное обязательство по отношенію к своим единомышленникам.

С.А.Р. ограничилась выраженіем своего удовлетворенія по поводу «временнаго согласія».

**

Посмотрим теперь, каков же духовный облик Соціалистической Партіи Франціи (Союза Жана Жореса)?

Будущіе вожди ея познакомили Францію со своими взглядами в нѣскольких громких выступленіях. Рѣчи Монтаньона, Марке, Деа на Парижском съѣздѣ 15-17 июля 1933 года в сущности и оформили т. н. нео-соціализм, зародившійся в лонѣ традиціоннаго жоресизма.

Одна из существенных традиций Жореса — неприязнь к окостенёлой ортодоксии, тѣсная и живая связь теории с дѣйствительностью, мужественная переоценка всего, оказавшагося ложным или отжившим. Именно в средѣ жоресистов могло возникнуть смѣлое, новаторское движение, заклеименное гедистами, как «фашистское». Обвинение и неискреннее, и абсурдное.

Один из видных членов новой партіи, М. Боннафу, резонно доказывает, что новыя политическія и социальныя исканія не имѣет обязательной связи ни с одним политическим течением, но кристаллизуются вокруг того, которое берет на себя их осуществление. Фашизм побѣждает, когда противники его творчески безсильны.

Новое течение, возникнув в средѣ жоресистов, не исчерпывается ея наслѣдіем. В Соціалистической Партіи Франціи можно различить два оттѣнка: традиціонный и новаторскій. Представители первого не так остро чувствуют катастрофичность положенія. Они скорѣе склонны к оборонѣ, к соглашенію всей лѣвой Франціи для защиты привычными парламентскими способами демократической государственности. Новаторы же считают основной задачей — поднять всенародное движение для смѣлых, коренных преобразованій. Правда, первые не отказываются слѣдовать за вторыми (жоресизму вообще свойственен внутренній динамизм, вкус к творчеству большого стиля). Но позиция «ожидающих» объясняется, в первую очередь, именно принадлежностью их к первому оттѣнку.

Выступление трех вождей — новаторов на Парижском слѣздѣ не было заранѣе подготовлено. Три импровизаціи, три попытки объяснить свои чаянія, свою тревогу... Как видно будет, они сошлись в наиболѣе существенном.

Монтаньон глубоко чувствует поступъ новаго міра, смѣняющаго старый на наших глазах. Замкнутость в ветхих формулах для него невыносима. От ощущенія новаго духа, вѣющаго во всѣх областях жизни, его проникновеніе в нужды нашего времени, его новаторство, смѣлое, но практичное. Разсудительность инженера (его профессія) и нѣжность общественнаго дѣятеля, депутата, одного из любимцев «добраго народа города Парижа».

В словах А. Марке — мэра Бордо, создателя блестящаго городского хозяйства и третьей по силѣ социалистической федераціи Франціи — тревожная вдумчивость строителя-организатора, глубоко переживающаго отвѣтственность, свою и друзей, за судьбу своего народа и зовущаго на путь суровой дѣйственности. Он неустанно повторяет со сдержанной силой свои излюбленныя мысли, но создает впечатлѣніе не однообразія, а будящаго, мужественно-значительнаго зова.

Марсель Деа (как и Монтаньон, депутат Парижа), соединяет первостепенный ум теоретика-идеолога с несукротимой энергіей бойца-

руководителя, сочетает анализ действительности с замыслом претворения ее. В нем задатки народного трибуна и незаурядного государственная дѣятеля.

Каковы же их взгляды?

Новый мир ищет себя, говорит Монтаньон. Кризис социализма лишь частность кризиса общаго. Раз у социалистов не хватает мужества обновить свою доктрину, — новыя, юныя партіи их уничтожают. Кризис переживают и парламентаризм, и демократія, так как государство оказалось слабо перед новыми задачами, вытекающими из кризиса хозяйственнаго. На смѣну либеральному хозяйству рождается коллективное, социальное. Поиски новаго равновѣсія вызывают замѣшательство. Трудовые классы ждут от государства властной инициативы для уменьшения страданій, для восстановления равновѣсія. При безсиліи его они встают против режима, против парламента. Повсюду — тяга к сильному государству, к корпоративному устройству. Так рождается фашизм. И Муссолини и Гитлер частично заимствуют идеи и программу французскаго синдикализма, оставшіяся без применения во Франціи.

Громадна в этих движеніях роль средних классов, столь цѣнных по личному составу, столь революціонных нынѣ по настроеніям.

Молодежь ищет пути к надеждѣ. У социалистов она не видит динамизма, который увлек бы ее. Старое ее не притягивает. Если социалисты не поймут ее запросов, то найдутся другіе, и она пойдет за ними. За другими, с их немедленной надеждой, могут пойти и рабочіе, деморализованные безработицей. Никогда еще не была так сильна социалистическая идея. Но только к социализму открылся второй путь, путь фашистскій. Такова опасность. Но Монтаньон намѣчает и способы борьбы и побѣды.

Необходимо обновить парламентаризм, ¹⁾ преобразовать государство, сдѣлав его способным руководить хозяйством. Социалисты должны возглавить движеніе за созданіе современнаго государства. Они же должны подготовить контролируемое хозяйство, а в рамках его — синдикализацию индустрій.

Средним классам — реформы, ожидаемыя ими: кредит торговый, ремесленный, страховой; синдикальная организація закупок, распределенія.

А для молодежи — дѣйственность, неустанная борьба на всѣх поприщах. Вмѣсто холодных, тщетных формул — широкаго размаха

¹⁾ См. план реформы в книгѣ Монтаньона, «Grandeur et Servitude Socialistes», 1929 г. Предполагается выдѣлить большинство министерств, как «техническія», из состава политическаго кабинета — съ тѣм, чтобы их не затрагивал вотум парламента.

строительство, в духъ конструктивных планов Сен-Симона и Прудона. Молодежь хочет творить исторію. Монтаньон предрекаетъ объединеніе рабочих, средних классов и молодежи в порывѣ творческаго энтузіазма.

А. Марке ставитъ вопросъ в упор. В борьбѣ за социализмъ участвовали в рядахъ партіи два поколѣнія. Третье идетъ имъ на смѣну. По признанію самого П. Фора, баррикадная революція отжила свой вѣкъ. А повседневная борьба в странѣ и парламентѣ даетъ лишь малые результаты (1914 г.: 104 депутата, 100.000 членовъ партіи; 1932 г.: 130 депутатов, 120.000 членовъ партіи).

Невозможно отдавать жизнь за завоеваніе 30 депутатскихъ мѣст.

Молодежь ждетъ побѣды и готова биться за нее. Задача в томъ, чтобы многообразныя страданія, тревоги, отчаяніе нашли исходъ в объединеніи вокругъ партіи, а не вокругъ нѣкоего вождя. Среди общаго безпорядка, замѣшательства, несвязности, социализмъ долженъ стать островкомъ порядка, полюсомъ авторитета. Если при общемъ развалѣ социалисты провозгласятъ волю къ устроенію, къ порядку, то средніе классы примкнутъ къ нимъ, къ пролетаріату.

Нельзя усиливать развал, усугублять финансовыя затрудненія бесплодной парламентской оппозиціей. Если, во второй разъ за 10 лѣтъ, лѣвые приведутъ къ банкротству, покончено будетъ с демократіей, с республиканскимъ режимомъ.

Вмѣстѣ с порядкомъ и авторитетомъ Марке включаетъ в свой девизъ и націю. В нашу эпоху народы замыкаются в свои національныя рамки. Французскіе социалисты, бессознательно слѣдуя этому движенію, все менѣе защищаютъ специально-пролетарскіе интересы, ведя, в интересахъ націи, обще-демократическую политику. Но нельзя плыть по теченію, от случая къ случаю. Надо попытаться организовать хозяйственную жизнь в національныхъ границахъ, защищая трудовые классы и сохраняя на будущее возможность международной регулировки.

Международное единеніе на началахъ свободы и справедливости, какъ его постулировалъ 19-ый вѣкъ, можетъ осуществиться путемъ соглашенія сильныхъ правительствъ, смѣнившихъ одряхлѣвшую буржуазію и разрѣшившихъ внутреннія проблемы, созданныя кризисомъ.

На конференціи Интернационала Марке укажетъ также, что идею національную слѣдуетъ противопоставить идеѣ расовой.

Спасеніе демократіи в исканіи истины, в проводглашеніи ея для созданія большаго движенія, которое принесетъ должныя измѣненія и создастъ новый порядокъ. Дѣйствіе сильнѣе слова, а волевая рѣшимость притягательнѣе реторики. Если не будетъ этого дѣйствія, то люди, пришедшіе в отчаяніе, обратятся къ другимъ.

Марке могъ бы повторить слова Лютера: «Здѣсь я стою и не могу»

иначе. Не может потому, что тактика, вменяемая ему в вину, лишь вывод из всех указанных предпосылок.

Марсель Деа, как помнят читатели «Нового Града», еще два года тому назад дал схему последовательных, глубоких социальных преобразований, сообща проводимых пролетариатом и средними классами. Теперь положение последних внушает ему глубокую тревогу. Пролетаризация вызвала в них сложное душевное состояние: стремление сохранить свой прежний социальный уровень, соединенное с готовностью к мятежу, даже к революции.

Обострение кризиса, затяжная борьба одинаково мощных сил — буржуазии и пролетариата — обезсиливает государство и, с ростом анархии, вызывают тягу к порядку и волну антипарламентаризма. И тогда средние классы, найдя свой идеал в фашизм, выступают во имя восстановления государства и возрождения нации, вовлекая в свое движение круги и буржуазии, и пролетариата.

Все это разворачивается под знаком национализма, в соответствии с «расщепкой» (*décrochage*), происходящей в международном хозяйстве и замыканием в национальных рамках. «Расщепка» имеет и более глубокое значение — сами идеалы и духовные ценности начинают терять свою универсальность.

Кризису международного капитализма сопутствует и кризис международного социализма. Фашизм же обращается против обоих: он враждебен и «анти-национальному» рабочему движению плутократии, стремясь к замкнутому корпоративному хозяйству. Социалистическая армия, придя на поле битвы, не находит ни обычного противника, ни прежних лозунгов и знамен. Социалистические идеи и лозунги частично присвоены врагом. Неудивительны слабость и замешательство социалистических партий.

Заградить дорогу фашизму возможно лишь устранив его причины. А левые французские социалисты совершают прямо обратное, видя спасение в рабочем единстве, т.е. в соглашении с коммунистами. Для этой цели подчеркивается пролетарский характер социалистического движения, выдвигается идея диктатуры, проявляется враждебность к национальной обороне. Таким образом готовится тройной разрыв: со средними классами, с демократией, с нацией. Правильная же политика — в укреплении этой тройной связи.

Так как капитализм вызывает к себе враждебность средних классов, то вполне естественно призвать их, вместе с рабочими, к широкому анти-капиталистическому единению.

Духом демократии проникнуто и рабочее движение, и идеалы его. И, наконец, характер нашего кризиса требует некоторого пере-

несенія тактических и стратегических задач из международного плана в національный. 1)

Критикуя позицію Л. Блюма, призывающаго к терпѣннѣ, к отказу от дѣйственности, Деа подчеркивает свою враждебность фаталистическому пониманію исторіи, діалектическому истолкованію ея, модному в 19-ом вѣкѣ. Наш долг — пытаться лѣпить свою судьбу, направить исторію по своему пути.

Вот основныя положенія, составляющія фонд новой партіи.

Представляют интерес и взгляды М. Боннафу, который станет, вѣроятно, одним из видных идеологов ея. В своих комментаріях к йольским рѣчам, отвѣчая на упрек Блюма в «отреченіи от разума» (чрезсмѣрная эмпиричность идеалов «нео-соціалистов»), Боннафу подчеркивает, что возрѣнія Блюма вытекают из «одряхлѣвшей метафизики». Объясненіе исторіи и обоснованіе идеала единой, всеобъемлющей формулой — не отвѣчают запросам нѣмѣвшей молодежи. Поэтому «нео-соціалисты» говорят о задачах исторіи, которыя по плечу одному поколѣнію. Отсюда же их напряженная дѣйственность.

По образному сравненію Боннафу, Блюму нравится, стоя на берегу, искусно руководить лодкой, в которой сияют другіе. «Тѣ же, кого вы называете нео-соціалистами..., чтобы править судном, предпочитают сѣсть и грести».

И там, гдѣ Блюм, в отвѣт Монтаньону, пренебрежительно говорит о молодых людях, которых «мода привела к нам, мода и уведет», Боннафу видит безчисленныя тысячи ищущих источников надежды и источников существованія. «Мода» — опрокидывающая имперію и мѣняющая лицо Европы...

И Боннафу, всматриваясь в побужденія наших современников, находит характерную черту в жаждѣ «служенія», жаждѣ помощи коллективного сознанія, которое хотят видѣть могущественным; «служенія» — под защитой порядка, 2) яснаго и сильнаго. Основная проблема — проблема порядка. Всѣ мыслители первой трети прошлаго вѣка, достойные вниманія, того же мнѣнія. И Боннафу добавляет: «Они были правы, но на сто лѣтъ опередили исторію». Историческими причинами объясняет он мнимое противорѣчіе между демократіей и порядком, соціализмом и авторитетом. Для спасенія основных свобод надо строить во имя порядка: «Свобода постигается, как функція по-

1) В этом пунктѣ взгляды Деа измѣнились. В «Perspectives Socialistes» он придавал главное значеніе взаимоотношеніям с международным «нео-капитализмом».

2) Надо имѣть в виду, что слово «ordre» исполнено гораздо большей значительности и цѣнности, чѣм наше слово «порядок», имѣющее скорѣе поверхностный смысл.

рядка, на который она опирается». Боннафу не хочет, чтобы, по немецкому примѣру, социалистам пришлось выбирать между постыдной капитуляціей или изгнаніем.

Надо добавить, что в своем истолкованіи понятія свободы он скорее одинок. Но мнѣнія его интересны уже в виду его положенія в новой партіи. Так первый манифест был составлен на основаніи двух проектов: Деа¹⁾ и Боннафу.

С манифестом этим обратилась к странѣ в концѣ ноября, перед созывом сѣзда, Организационная Комиссія партіи, формулируя основные положенія, которые вытекают из июльских рѣчей.

«Мы не хотим, гласит манифест, чтобы социализм довольствовался пророчествами на тысячелѣтній срок, а в настоящем — застыл в мертвых формулах». Указав на кризис, хозяйственный и духовный, на банкротство идеологіи 19-го вѣка (либерализм, авторитарный консерватизм, мессіанистическій, окостенѣвшій социализм), манифест призывает к борьбѣ за демократическій порядок и авторитет, за антикапиталистическое освобожденіе, за національную демократію. «Именно потому, что мы страстно преданы демократіи, мы хотим сильного государства».

Предуказывая объединеніе метрополіи с колониальной имперіей в одно великое хозяйственное цѣлое, манифест знаменательно провозглашает: «Необходимо завершеніе, примиреніе націи с самой собой, о котором говорил Жан Жорес. Перед лицом совѣтизма, фашизма, гитлеризма Франція может и должна найти формулу этого примиренія. И тогда она снова сможет выполнять в анархическом, жестоком мірѣ функціи руководства и примѣра».

«Воинствующая демократія... защитит дорогія цѣнности свободной культуры, вольнаго сужденія, всесторонняго гуманизма». «Хозяйственный порядок, благодаря порядку и авторитету политическому, обеспечит свободу духа». И манифест зовет Францію, под страхом грядущих катастроф, к дѣлу общественного спасенія.

Первый сѣзд, собравшійся 5-го декабря, четко оформил цѣли партіи, и заложил основы ея организациі, в связи с проникающим ее новым духом, боевым и творческим одновременно. Принятый единодушно устав ставит непосредственной цѣлью партіи, по пути к социализму, созданіе общественного порядка, при котором нація контролирует капиталистическое производство и обмѣн, опираясь на широко развернутый синдикализм. Свой приход к власти партія мыслит на путях демократическаго большинства, благодаря единенію пролетаріата, крестьянства и средних классов.

1) Деа — генеральный секретарь партіи. Предсѣдатель парламентской группы — Рендель. Боннафу — второй секретарь.

Партийная жизнь строится на началах неустанной дѣятельности. Преодоляются бюрократизм и рутинная старая партія. Запрещаются императивные мандаты. Партийная организационная структура («группы Жака Жореса») создают дружины дѣйствія и дружины технической («équipes d'action et équipes techniques»).

Назначеніе первых — организационная структура и защита партийных манифестаций и исполненіе организационных порученій.

Задача вторых — дѣятельность во всѣх экономических и социальных кругах и информированіе партіи в областях хозяйственной, технической, политической.

В этих, казалось бы, деталях организационной структуры, думается мнѣ, будущая сила партіи, и сказывается ее созвучность эпохѣ.

В принятом обращеніи к странѣ приведены к единству два отгнѣка мысли новой партіи. Съезд завѣряет, что партія сдѣлает в парламентѣ все возможное для возстановленія финансов и созданія устойчиваго правительства. Но, неуверенная в преодолѣннн парламентской рутинны, она будет бороться в странѣ за созданіе мощнаго движенія, что, быть может, окажет «счастлирое вліяніе» на парламент. Но и это может оказаться недостаточным. Остается главное: создав партийную организационную структуру примѣнительно к длительному, дѣйствительному управленію власти, объединить народ вокруг себя, получить от него мандат на власть и, сломивъ всѣ препятствія, исполнить народное порученіе, перестроив Францію государственнo и хозяйственнo.

Таковы замыслы партіи, существующей менѣе двух мѣсяцев. Пока мы наблюдаем быстрый рост ее в странѣ и в частности начавшійся приток молодежи. Первые «дружины дѣйствія» с немалой гордостью и радостью обслуживали съезд. Со всѣх концов Франціи приходят вѣсти об уходѣ из старой партіи испытанных работников. Велик наплыв и новых членов, а также многих, отошедших от партіи из-за ее доктринерства и нетерпимости. Помимо самого раскола, партийная общественность глубоко потрясена исключеніем Реноделя, друга и ученика Жореса, стараго вождя большой моральной высоты и авторитета. «Остаться с Реноделем» — становится долгом совѣсти и уход из партіи (которую жоресисты любезно называют «архео-социалистической» или «нео-большевистской») может развернуться с еще большей силой по этой причинѣ, в добавленіе к притягательной силѣ новых идей.

Осуществит ли партія Жака Жореса задачи, к которым ее «побуждает» неумолимая необходимость и вдохновляет благородная социалистическая традиція и высокая человѣческая надежда? Ближайшіе мѣсяцы покажут, станет ли, может ли она стать центром всенароднаго единенія. У нея есть немаловажные шансы: воля к побѣдѣ, соединеніе безкорыстнаго идеализма с жестоковатой, дѣйствительной

властностью; осознание необходимых преобразований, чувство темпа эпохи в борьбе и творчестве.

Коренные хозяйственные преобразования, вызываются, быть может, впервые не максималистским утопизмом, а хозяйственной необходимостью.

Новая, смѣлая формулы сплавляются с традиціями революціонной Франціи, близкими сердцу средняго француза (достоинство личности, права народа).

Отказ от старой теории классової борьбы, противорѣчившей лучшим традиціям французскаго социализма, смыкает націю в общем порывѣ, изолируя лишь финансовых и индустриальных магнатов. Полновѣсное, животворное понятіе — народ снова приходит на смѣну класса. Как раз на этот пункт устремлена «правовѣрная» критика. И надо подчеркнуть со всей ясностью, что для новой партіи рѣчь идет не о каком-либо дѣловом соглашеніи пролетаріата со средними классами, а о внутреннем преодолѣннн раздѣленія, об органическом все-народном единствѣ. Европейскій опыт показал, что при столкновеннн с движеніем всенародным, движеніе классовое страдает неизлѣчимым «комплексом недостаточности».

Даже Марксу, было нечуждо смутное сознание этого: в его утопической концепціи побѣдоносный пролетаріат «конституирует себя, как націю».

И если единство, к которому зовет новая партія, создается на путях борьбы за духовный рост и благосостояніе личности и общества, то здѣсь — не отход от социализма, а высшее торжество его. Перед страной, и в мірѣ хозяйственном и в мірѣ идейном, ставятся задачи, достойныя французскаго народа, как раз в то время, когда Франція подобна насыщенному раствору перед моментом кристаллизаціи.

Но имѣются и слабыя стороны.

Идеологически партія еще не вполне нашла себя. Если запросы молодежи во многом почувствованы вѣрно, то грозит, кажется мнѣ, одно недоразумѣніе. Молодежь не имѣет «цѣльнаго міровоззрѣнія», она эмпирична, она не мыслит «sub specie aeternitatis». Отсюда вывод, который дѣлает Боннафу: наш идеал — краткосрочен, наша увѣренность — временная. (Да не заподозрят Боннафу в «подлаживаннн»: он лишь счастлив тѣм, что его душевный строй совпадает с таковым же молодежи). Между тѣм русский, итальянскій и нѣмецкій примѣры показывают, что молодежь как раз ищет «абсолютнаго», хотя, к сожалѣнн, удовлетворяет свою жажду обожествляя весьма относительное. Одной конкретностью цѣлей ея не завоевать, если эта конкретность не будет обнаруженіем большой объективной цѣнности. В той же мѣрѣ, в какой она остается в чисто «утилитарной» сферѣ, она не имѣет вкуса ни к какой общественной борьбѣ.

В этом отношеніи могут оказаться плодотворными, если не будут отодвинуты на задній план, мысли об исторической задачѣ Франціи, о духовных цѣнностях, ею воплощаемых, «примиреніи ея с самой собой». Все это — в нерасторжимой связи с паѳосом социальнаго преобразования.

Но побѣда может прійти лишь при должных качествах вождей, которая может проявиться лишь на дѣлѣ: прошлое не гарантирует одаренности для дѣйствій в иной обстановкѣ, иными методами.

Возможно, разумѣется, что французскій народ, вообще не склонный к организаціи, не выйдет из состоянія неоформленнаго недовольства и, слѣдовательно, Союз Жана Жореса не будет достаточно силен к моменту, когда внутренняя или внѣшняя бѣда бросит націю, в порывѣ отчаянія и гнѣва, советѣм в другую сторону. Возможно также, что идеал новой партіи просто «не дойдет до сердца» народа.

Но чѣм сильнѣе опасность культурно-государственнаго срыва, с тѣм большим сочувствіем смотрим мы на смѣлую попытку спасти в ней, и в Европѣ, человѣческую личность с дорогими нам духовными цѣнностями.

Должно нас привлекать и отношеніе партіи Жореса к большевизму. Слѣдует помнить, что одна из причин раскола — тяготѣніе старой партіи к союзу с коммунистами.

Еще одно замѣчаніе: неправильно было бы критиковать новую партію, механически выхватывая отдѣльные пункты. Похвалить ея стремленіе к сильной власти и к социальным преобразованиям и осудить одновременно ея демократизм, значит не понять цѣльности ея программы. Точно так же, отнести одобрительно к ея политической тактикѣ и откинуть ея социальныя планы, как «утопическіе», значило бы не уловить основных нужд нашего времени; не уловить «raison d'être» партіи, по примѣру 30 «ожидающих» депутатов.

В ближайшіе мѣсяцы Соціалистическая Партія Франціи (Союз Жана Жореса) в борьбѣ познает свои силы. В борьбѣ опредѣлится, быть ли лишней новой партіи или же быть новой Франціи.

Сергій Жаба.

Le gérant : I. Rossel-Chiot.

Soc. Nouv. d'Impr. et d'Ed. 32, RUE MÉNILMONTANT, PARIS.